

Глава 522. Наивно. Думаете, я смогла бы лучше заботиться о ребенке?

Поместье Сяо было большим, но двор, в котором находился младший господин семьи Хуа, был очень близко от главного двора. Они шли около четверти часа, прежде чем прибыли туда.

Линь Чуцзю указала на ворота двора: «Хуа Гунцзы, молодой господин живет здесь».

Было видно, что этот двор, расположенный на юго-востоке, не было главным помещением. Хуа Цзиньжун остановился на некоторое время и, повернувшись, посмотрел на Линь Чуцзю: «Я думал, вы сами заботитесь о моем брате».

Он не спрашивал, а обвинял. По мнению Хуа Цзиньжуна, его младший брат был благородным человеком. Как она могла позволить кому-то другому заботиться о нем? Как Сяо Ванфэй могла не заботиться о его младшем брате лично? Эта Сяо Ванфэй знала, чем был его брат, но она бросила его на попечение служанок? Это было просто презрением к их семье Хуа.

Хуа Цзиньжун был очень недоволен!

«Хм...» – Линь Чуцзю изумленно посмотрела на Хуа Цзиньжуна. – «Хуа Гунцзы, вы считаете я могла бы позаботиться о вашем брате лучше, чем служанка?»

Дело было не в том, что Линь Чуцзю не верила в себя, а в том, что она умела все взвешивать. Она не была нянечкой. Она никогда не рожала детей в своей прошлой жизни и не забилась о них. Она не умела заботиться о детях, ясно?

Хуа Цзиньжун знал, что Линь Чуцзю рассуждает здраво, но он все равно был недоволен.

«Даже если вы не могли позаботиться о моем брате сами, вы должны были поместить его в главный двор. Что бы вы делали, если бы с моим братом что-то случилось?»

Э-э...

Услышав обвинения Хуа Цзиньжуна, Линь Чуцзю лишилась дара речи. Этот молодой господин Хуа что-то перепутал? Она же вроде как спасла его брата, так? А он не только не благодарит ее, но еще и обвиняет? Разве так обращаются со спасителем?

Линь Чуцзю хотелось указать на дверь и заявить: «Если вам что-то не нравится, убирайтесь!»

Однако, подумав о положении своего собеседника, Линь Чуцзю решила, что ей остается только терпеть.

Линь Чуцзю изобразила натянутую улыбку и сказала: «Хуа Гунцзы, хоть главный двор и хорош, он не подходит для детей. Это же место, напротив, не только близко к главному двору, но здесь нет камней и прудов. Внутри есть лужайка, специально сделанная для детей, а также детская ванная. Вещи во дворе самые лучшие, все украшения и мебель с закругленными краями. Этот двор был изначально приготовлен для будущего молодого господина нашей семьи. Я приказала убрать его для молодого господина Хуа».

«В самом деле?» Гнев Хуа Цзиньжуна слегка остыл.

Линь Чуцзю энергично кивнула: «Если Хуа Гунцзы не верит, вы можете пойти и взглянуть. Я вам не лгу».

Хуа Цзиньжун не был злым человеком. Услышав слова Линь Чуцзю, он сразу же понял, что зря обвинял ее и немедленно извинился: «Я так неправильно понял вас. Пожалуйста, простите меня, Сяо Ванфэй».

«Э-э... вы не виноваты, поскольку не знали». Линь Чуцзю не ожидала, что Хуа Цзиньжун извинится. Хотя он и казался элегантным и приветливым, Линь Чуцзю чувствовала осознание своего достоинства и холодное высокомерие, которое явно демонстрировал Хуа Цзиньжун.

Это было ненамеренно, а просто заложено в самой его природе. Линь Чуцзю понимала это, поэтому не считала, что он унижает ее. В конце концов, таково было происхождение Хуа Цзиньжуна.

Линь Чуцзю шла на шаг позади и позволила Хуа Цзиньжуну пройти первым. Войдя в малый двор, Линь Чуцзю быстро показала его устройство, дав Хуа Цзиньжуну понять, что она поместила молодого господина Хуа сюда не потому что ей не было до него дела, а потому что она ценила его.

Не заботясь о том, хотел ли Хуа Цзиньжун это слушать или нет, Линь Чуцзю говорила о растениях и деревьях в саду. Прежде то же самое Линь Чуцзю рассказывал домоправитель Цао. Домоправитель Цао, разумеется, не говорил бы их без причины. Он намекал на то, что Линь Чуцзю должна поскорее родить им маленького господина!

Разве ванфэй не видела, что их ванье уже подготовил для маленького господина жилье? Так чего же ванфэй до сих пор ждет?

Каждый раз, когда Линь Чуцзю слышала, как домоправитель Цао упоминал маленького принца или нечто подобное, ей хотелось окатить его вводом. У них с Сяо Тяньяо были не такие отношения, так как же она родит маленького принца? Она что, может забеременеть сама? Если она вдруг родит ребенка, Сяо Тяньяо точно ее придушит! Но разве она могла сказать такое домоправителю Цао? Нет! Поэтому, сколько бы домопраивтель Цао ни намекал ей, Линь Чуцзю прикидывалась дурочкой. Если ей хотелось понянчиться с ребенком, она могла поиграть с маленьким господином семьи Хуа или пойти в Цы Энътан позаниматься волонтерской работой, что было весело и нехлопотно.

Линь Чуцзю попросила домоправителя Цао заранее известить служанку, которая заботилась о маленьком господине Хуа. Поэтому как только они пришли, служанка привела ребенка. Служанка не знала, кем был Хуа Цзиньжун, но она все равно была немного смущена. Но ничего плохого не приключилось, она не уронила ребенка от волнения.

В ту секунду, когда ребенка принесли, Хуа Цзиньжун, который держался с достоинством, элегантностью и аристократизмом с тех пор, как вошел в дверь, исчез!

Хуа Цзиньжун сделал два-три шага вперед и выхватил ребенка из рук служанки.

«Гунцзы...» Служанка испугалась, он хотел было забрать ребенка, но Линь Чуцзю остановила ее: «Все в порядке, вы можете идти».

«Да, да». У нее внезапно забрали ребенка, потому, хоть человек, сделавший это и не казался плохим, служанка все равно была в шоке. И она чуть не упала, запнувшись о порог, когда выходила.

Хуа Цзиньжун обнимал ребенка, и, когда он посмотрел на его лицо, он сказал: «Он вылитый Сяо Цзю».

Ребенок был очень смелым. Он не плакал, хотя его держал незнакомец. Он махал ручкой и болтал с Хуа Цзиньжуном. Его голосок растопил сердце Хуа Цзиньжуна. Он был достоин положения молодого господина семьи: он был так умен. Чтобы лучше удостовериться в личности ребенка, Хуа Цзиньжун приподнял одежду мальчика и, как и ожидалось, на его груди он увидел родимое пятно, размером с ноготь и в форме цветка.

«Сяо Цзю, твой старший брат наконец-то нашел тебя», – глаза Хуа Цзиньжуна покраснели, и он захлебнулся слезами. Чтобы не потерять самообладание, он сделал глубокий вдох, сдержал радость в своем сердце и попытался изобразить достойного мужа.

Ребенок захихикал. Хуа Цзиньжун был в замешательстве, и малыш схватил его за волосы. Хуа Цзиньжуну было больно, но он не посмел применить силу. Он лишь позволил своему маленькому брату смущать себя. Ребенок был маленьким, но очень сильным. Он не отпускал волосы Хуа Цзиньжуна. Хуа Цзиньжун охнул от боли. Динь Чуцзю это показалось смешным, поэтому она ничего не сказала. Она тихо видела в стороне и ждала, пока Хуа Цзиньжун освободится. Чтобы не заставлять Линь Чуцзю слишком долго ждать, Хуа Цзиньжун быстро забрал свои волосы из рук ребенка и сказал нежно:

«Ты маленький негодник».

Подняв глаза на Линь Чуцзю, Хуа Цзиньжун слабо улыбнулся ей, без тени замешательства или неловкости. Он передал ребенка свите и пригладил свои спутавшиеся длинные волосы. Потом он извинился перед Линь Чуцзю: «Простите, я так обрадовался, что на мгновение забылся», – он преподнес это как извинение, но в его словах и действиях не ощущалось истинной вины. Однако Линь Чуцзю кивнула: «Хуа Гунцзы из благородной семьи, так что это понятно, что вы не привыкли держать младенца. Вы делаете это в первый раз, так что ни к чему смущаться».

Хуа Цзиньжун нахмурился. Ему всегда казалось, что слово «понятно» в устах Линь Чуцзю имело глубокое значение, но ему не хотелось об этом говорить. Интуиция подсказывала ему, что, если он спросит, ему же будет хуже. Хуа Цзиньжун откашлялся и сел рядом с Линь Чуцзю, после чего спросил серьезно: «Сяо Ванфэй, давайте поговорим о вашем вознаграждении!»

Семья Хуа не собиралась оставаться в долго!